

ЗАПОВЕДНИК В УССУРИЙСКОЙ ТАЙГЕ

Когда я, будучи еще начинающим орнитологом, занимался изучением жизни птиц в Южном Приморье, пограничники наказывали мне: “Если окажешься близ государственной границы и встретишь там китайский наряд, говори: “Это территория наша согласно договору 1860 года!””. Китайских пограничников я, к счастью, не встречал ни разу, но в Китае все же побывал, когда однажды невзначай перешел границу.

Граница южной части Приморского края с Китаем проходит по гребню нагорья Чанбайшань (ныне Черные горы), большая часть хребтов которого лежит за пределами нашей страны. С восточных отрогов этого горного массива устремляются в Тихий океан (точнее в залив Петра Великого) несколько небольших речек. В бассейне одной из них – реки Кедровой разместился один из старейших заповедников нашей страны.

Еще спустя несколько десятилетий после того, как территория южного Приморья отошла от Китая к России, места эти оставались девственно дикими. Н.М. Пржевальский, побывавший здесь в 1897 году, писал, что тайга здесь почти не затронута присутствием человека. Натуралисты, посещавшие долину Кедровки в самом начале XX века, бывали поражены великолепием местных лесов с их деревьями-гигантами, необычайным многообразием флоры и фауны, соединявшими в себе несовместимые, казалось бы, черты сибирской природы и субтропиков Юго-Восточной Азии, характерных для Китая и Кореи.

Беда пришла позже, когда переселенцы из России начали осваивать западное побережье залива Петра Великого. Пришлое население рассматривало девственные леса как своего злейшего врага. Гнус, клещи и дикие звери — гималайский медведь, тигр, леопард — препятствовали выпасу скота, кабаны и пятнистые олени вредили посевам. И люди начали безжалостно выжигать тайгу.

Уникальный уголок дикой природы погибал на глазах. Местные и приезжие натуралисты с болью в сердце наблюдали картину его варварского уничтожения. Гигантские вековые кедровые были почти полностью вырублены. В тайге уже не встречались тигр и пятнистый олень. На месте вырубленных и выжженных лесов возникли обширные пустоши, заросшие высоченной травой и низкорослым кустарником. Гибнущая тайга молила о пощаде.

В 1916 г. работник местного лесничества Т. Л. Гродецкий обратился к администрации с предложением сохранить леса долины р. Кедровой в качестве памятника дикой природы Южно-Уссурийского края. Петиция была удовлетворена. Приморское управление землеустройства запретило в Кедровой пади рубку леса, охоту, сбор кедровых орехов и прочие лесные промыслы. Этот год с тех пор считают датой основания заповедника “Кедровая падь”. К сожалению, охраняемый участок с самого начала оказался сравнительно небольшим — всего лишь 17,5 тыс. га. В дальнейшем его территория была расширена, но

очень незначительно. Крошечным, по существу, пятнышком нетронутой уссурийской тайги на карте нашей нобъятной России выглядит он и сегодня.

Вот как описывает ландшафт заповедника знаток растительности Дальнего Востока Н. Васильев: “Если посмотреть летом с вершин гор на заповедник, то взору предстанут гряды крутых сопок, покрытых буйной зеленью лесов, со светлыми пятнами каменных россыпей и скалистых участков на склонах. Хорошо видны кудрявые, огромные кроны дубов и лип, как бы призывающие путника отдохнуть под их прохладной сенью; ажурные, пронизанные горячими лучами приморского солнца рощи ореха маньчжурского, бархата и ясеня, оттененные темной зеленью куртин кедра и черной пихты. Очертания дальних гор сливаются с интенсивно-голубой воздушной дымкой, столь характерной для горных районов Приморья”.

По-иному выглядит тайга в октябре. “На фоне безоблачного голубого неба живописно выделяются кроны лиственных деревьев, как бы нарочно раскрашенных огромной кистью в разнообразные цвета — от пламенно-красного до нежно-золотистого. Из-под вырезанных медно-красных листьев винограда аппетитно выглядывают кисти его ягод с характерным сизым налетом. Круглыми рубинами сверкают ягоды лимонника, а среди подлеска видны собранные в шары черные, словно лакированные, плоды элеутерококка — ближайшего родича легендарного корня жизни — женьшеня”.

Ничтожная по величине территория заповедника хранит в себе необычайное богатство органической жизни. Одних только деревьев и кустарников здесь более 100 видов, и еще свыше 600 — всевозможных травянистых растений. Некоторые виды сохранились здесь еще с третичного периода, когда весь юг Дальнего Востока был одет влажными субтропическими лесами “тургайского типа”. От этих лесов здесь и поныне сохранились такие древесные породы, как амурское бархатное дерево, тис, маньчжурский орех, а также лианы — виноград, актинидия лимонник, поднимающиеся вверх по стволам деревьев на 30—35 м. Дошли до нас с тех времен и многие представители семейства аралиевых, включающего в себя помимо скромного на вид травянистого женьшеня и упомянутого уже элеутерококка ряд необычного вида древесных пород. Среди них нельзя не упомянуть могучий диморфант, толстый ствол которого усеян мощными шипами, словно стебель ежевики, увеличенный в сотни раз в толщину. Поистине парадоксален вид у аралии маньчжурской, растущей на крупнокаменистых осыпях по склонам сопек: прямой колючий ствол высотой около 2—3 м увенчан на макушке несколькими огромными непарноперистыми листьями (каждый лишь в половину короче самого ствола). Осенью, когда листья опадают, среди валунов остается торчать идеально прямая колючая палка.

Не уступают по величине листьям аралии и ее соцветия-метелки, радиально отходящие на толстых черешках от вершины ствола. Мелкие белые ягоды этого нелепого на вид дерева служат любимым лакомством голубых сорок (чье оперение и в самом деле небесно-голубого

цвета) и белоглазок — светло-зеленых птичек с белой окантовкой вокруг глаз. Все прочие родичи местной белоглазки (всего около 80 видов) живут в тропиках Индокитая, в Австралии, на островах Тихого океана и в Африке.

Для орнитолога и любителя птиц “Кедровая падь” — истинный рай. Здесь насчитывается 305 видов пернатых, из которых не менее 112 гнездятся в заповеднике. Остальных можно регулярно видеть весной и осенью, поскольку район лежит на путях их сезонных миграций. Для сравнения стоит сказать, что на всей территории бывшего Советского Союза обитает около 800 видов птиц, так что вклад Южного Приморья выглядит весьма значительным.

Зоолога, впервые оказавшегося в заповеднике, поражает близкое соседство северных видов, вполне обычных в Сибири, и представителей тропической фауны. Последние замечательны не только своей яркой, экстравагантной окраской, но и необычными особенностями образа жизни. Среди густых крон вам удалось заметить самца синей мухоловки. Металлический блеск оперения делает его обладателя необыкновенно эффектным. Совсем непохожая на своего супруга буроватая самочка почти неизменно выбирает для гнезда углубление в вертикальных пластах земли, поднятых корневой системой векового дерева при его падении, что нередко случается во время мощных тайфунов, приносимых в конце лета с Тихого океана.

Толстоклювые синицы суторы добывают пропитание, разрезая, словно ножницами, стебли тростника, из полостей которых птички искусно извлекают живущих там паразитических насекомых. Когда стайка этих длиннохвостых пернатых движется по тростниковым зарослям, даже издали можно слышать монотонный хруст раскусываемых ими стеблей. Возможно, именно эти звуки, как и колыхание метелок тростника, привлекают сюда маленького, величиной со скворца, пестрого хищника — клинохвостого сорокопуга. С большой скоростью трепеща крыльями, он, подобно колибри, повисает в воздухе над тростниковыми зарослями и вдруг камнем падает вниз, настигая потерявшую бдительность сутору.

Не в меньшей степени, чем птичий мир, богата и здешняя фауна насекомых. Одних только дневных бабочек насчитывается свыше 100 видов. Особенно эффектен среди них махаон Маака, “хвостатые” крылья которого — то синие, то зеленоватые, то почти черные, в зависимости от угла падения света — достигают в размахе 18 см. А ночью, читая при свете лампы, вы друг слышите сильный удар в стекло — то прилетела на свет нежно-зеленая павлиноглазка артемида, не уступающая в размерах и красоте махаону Маака.

Колоссальное разнообразие мира насекомых еще ждет своих исследователей. Вот всего лишь два показательных примера. Еще лет сорок тому назад считали, что в заповеднике обитает 7 видов стрекоз. Но вот появился энтомолог, который вплотную взялся за изучение этих созданий. Через несколько лет выяснилось, что в действительности в заповеднике встречается более 50 видов стрекоз. Палеонтолог А. П. Расницын, разыскивая на осыпях

камни с отпечатками давно вымерших насекомых, неожиданно для себя поймал “живое ископаемое” — так называемую гриллобатину, представляющую собой нечто вроде всем известных уховертков.

Необычайное разнообразие растительного и животного мира делает заповедник “Кедровая падь” бесценной природной лабораторией для многих последующих поколений биологов. От нас требуется лишь одно: попытаться сохранить в первозданном состоянии хотя бы центральную часть его территории, наименее подверженную сегодня разрушительной деятельности человека.